

Света Кор.

Атлас Абсурда

Света Кор
Атлас Абсурда

«Автор»

2026

Кор С.

Атлас Абсурда / С. Кор — «Автор», 2026

«Атлас абсурда» — ироничный интеллектуальный роман о старшем аналитике Андрее Куликове, чей мозг однажды отказался игнорировать повседневный хаос. Обнаружив, что реальность не сходится с таблицами Excel, Андрей начинает «вскрывать» будни, превращая быт в исследование человеческих странностей. Вместе с героем вы пройдете по этажам нашего общественного договора: от культа «пакета с пакетами» до поиска древних смыслов в названиях привычных вещей. Это история о поиске «всадников с копьями» в кошельках и греческого «досуга» за школьными партами. Путь героя через офисные войны с Лавровым и житейскую правду соседа Петровича — это попытка понять, почему аналитика пасует перед простыми ритуалами. Можно ли найти гармонию в мире, который принципиально не желает быть логичным? Для тех, кто готов обнаружить, что в простых вещах смысла больше, чем во всех годовых отчетах мира.

© Кор С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Атлас Абсурда

Глава

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга не о тайнах вселенной и не о скрытых смыслах бытия. Она о вещах гораздо более странных — о тех, что находятся у нас под самым носом.

Вы когда-нибудь задумывались, почему мы считаем нормальным просыпаться по звонку куска пластмассы (это я про будильник)? Почему мы бесконечно пополняем список «Избранного» на маркетплейсах? Или почему мы боимся черной кошки, перебежавшей нам дорогу?

Мы живем в мире, который был придуман задолго до нас. Тысячи лет назад кто-то решил, что день начнется в полночь, что «вокзал» будет называться вокзалом, а завязывать на шею шелковую удавку — это признак большого ума. Мы приняли эти правила в наследство, как старую мебель, и расставили их в своей голове, даже не спрашивая: «А почему это работает именно так?»

Главный герой этой истории, Андрей Куликов, однажды просто забыл закрыть глаза на этот абсурд. Он не сошел с ума — он просто проснулся. И оказалось, что наша обыденность — это самый грандиозный, смешной и невероятно сложный маскарад в истории. Работая много лет старшим аналитиком, он настроился на перманентный поиск закономерностей, вычисление рисков и построение логических связей там, где другие видели просто кучу цифр. Десять лет он препарировал рынок, искал аномалии в графиках продаж и объяснял совету директоров, почему люди покупают именно этот сорт макарон.

И вот однажды эта привычка разбирать всё на запчасти дала сбой. Его аналитический ум, привыкший искать смысл в каждой запятой отчета, внезапно переключился с рабочих графиков на саму жизнь. Он начал задаваться вопросами, которые нормальный человек просто игнорирует. Если в Excel-таблице каждая цифра имеет обоснование, то почему в реальности мы делаем сотни вещей, которые на самом деле имеют свою логику, но мы почему-то привыкли считать их логичными просто по умолчанию, не задумываясь об их истинном смысле?

Эта книга — не инструкция по спасению души и уж точно не истина в последней инстанции. Это некая «созерцалочка» — попытка нажать на паузу и рассмотреть швы на привычной канве нашего мира. Это не научный трактат, разбирающий законы бытия на логические цепочки, а строение вещей — на молекулы.

Перед вами — искренняя рефлексия обычного человека над тем, что окружает его каждый день. Мы часто пролетаем мимо собственной жизни на автопилоте, не замечая, как странно и удивительно она устроена. Я создала Андрея Куликова, чтобы через его глаза остановиться и всмотреться в детали: от старой копейки в кармане до «пакета с пакетами» под раковиной.

Это попытка осознать, почему мы чувствуем себя уютно среди привычных странностей и как обыденность, если в неё всмотреться, превращается в глубокий и личный текст. Это не взгляд эксперта, а взгляд соседа по лестничной клетке, который вдруг перестал бежать и решил разобраться: из чего же на самом деле соткано наше «сегодня». Он не претендует на звание мудреца и тем более Бога. Андрей — обычный старший аналитик, простой обыватель и, пожалуй, немного исследователь-самоучка, который решил проверить на прочность фундамент нашего быта.

В своих обыденных днях — по пути в офис, в очереди за хлебом или за вечерним чаем — он собирает по крупицам мысли и заносит их в блокнот. Его «Атлас абсурда» — это честная попытка обычного человека понять правила игры. Андрей препарировал повседневность через

простые вопросы и свои же ответы-размышления. Мы не касаемся здесь высоких материй или религии — нам бы разобраться с тем, почему мы храним пакеты с пакетами и стучим по дереву, чтоб не сглазить.

Перед вами путеводитель по бытовому абсурду. Приглашение заглянуть за кулисы повседневности и вместе с героем улыбнуться тому, как странно, парадоксально и при этом чертовски уютно мы все здесь устроились.

Давайте просто посмотрим по сторонам. Обещаю: после этой книги привычные вещи уже никогда не будут выглядеть для вас по-прежнему.

ВСТУПЛЕНИЕ: ТРЕЩИНА В ПРИВЫЧНОМ

Вопрос:

В какой именно момент мы перестаем замечать реальность и начинаем верить в инструкции? Как случается, что взрослый человек живет годами, не задумываясь о том, почему он делает именно это, говорит именно так и верит в вещи, которые нельзя потрогать?

Ответ:

У каждого из нас есть «автопилот реальности». Это удобная программа, которая избавляет нас от необходимости каждую секунду удивляться гравитации или анализировать смысл рукопожатия. Но иногда система дает сбой. Вы просыпаетесь, смотрите на обычную ложку или на собственное имя в паспорте и вдруг понимаете: это всё хрупкий общественный договор. Мы просто договорились, что так будет, и эта вера — единственное, что отделяет нас от хаоса.

НОСОК И БЕЗДНА

Всё началось во вторник. Обычный, ничем не примечательный вторник, который должен был закончиться годовым отчетом и ужином под сериал. Андрей Куликов стоял посреди спальни с одним носком в руке. Второго не было.

— Мила, — позвал он, глядя на свою пустую левую пятку. — Ты когда-нибудь задумывалась, что носки — это самая нестабильная материя во Вселенной? Они существуют только парами, но стремятся к одиночеству с упорством квантовых частиц.

Мила, застегивая серьгу перед зеркалом, мельком взглянула на него.

— Андрей, возьми другую пару. Ты опаздываешь, Лавров обещал начать планерку ровно в девять.

— В девять! — Андрей замер. — А почему в девять? Кто решил, что именно в этот момент, когда солнце под определенным углом освещает наши офисные перегородки, мы должны начать имитировать бурную деятельность? Почему мы все согласились подчиняться этим цифрам на циферблате?

Мила остановилась и внимательно посмотрела на мужа.

— Андрюш, у тебя температура? Это же просто время. Так удобнее всем.

— Вот! — восторженно воскликнул Андрей, наконец-то найдя второй носок под краем ковра. — «Так удобнее». Мы построили цивилизацию на удобных условиях. Мы договорились, что эти бумажки в кошельке имеют ценность, что этот носок должен быть серым, а Лавров — мой начальник. Но если завтра мы все забудем об этом договоре... мир просто исчезнет?

Он натянул носок и выпрямился, глядя на свое отражение.

— Сегодня я не просто пойду на работу. Я пойду изучать наши невидимые нити. Я составлю атлас всех тех глупостей, правил и привычек, которые делают нас людьми. И знаешь что, Мила? Кажется, это будет самое захватывающее путешествие в моей жизни.

Супруга улыбнулась и подала ему ключи.

— Иди уже, «картограф смыслов». Только не забудь купить хлеб по дороге назад. Это тоже часть нашего «негласного договора».

— Обязательно, — подмигнул Андрей. — Хлеб — это святое. Это наш контракт с сытостью.

ПЕРЕХОД: ПЕРВЫЙ ТИКАЮЩИЙ УЗЕЛ

Андрей закрыл за собой дверь, и звук замка отозвался в тихом коридоре как финальный аккорд старой жизни. Он еще чувствовал тепло Милиной руки, но пространство вокруг уже начало диктовать свои условия.

Он посмотрел на левое запястье. Там, под стеклом, маленькие стрелки неумолимо резали вечность на равные, одинаковые дольки.

«Странно», — подумал Андрей, вызывая лифт. — «Мы потратили миллионы лет, эволюционируя в пещерах, ориентируясь по солнцу и голоду, а теперь вся моя ценность как гражданина зависит от того, совпадут ли мои внутренние ощущения с движением этой минутной шестеренки».

Он вышел на улицу. Город уже гудел. Сотни людей смотрели на экраны телефонов, ускоряли шаг, бежали к автобусам, словно за ними гнался невидимый великан. И у этого великана не было лица — только циферблат.

Андрей глубоко вдохнул прохладный утренний воздух и открыл в блокноте первую страницу своего исследования.

ГЛАВА 1 ВРЕМЯ: НАШ ПЕРВЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР

ДЕВЯТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

Андрей зашел в офис ровно в 08:59. Лавров уже стоял у кофемашины, поминутно све-
ряясь с умными часами. В его мире секунда опоздания приравнивалась к государственной
измене.

— Куликов, ты на грани, — бросил Лавров, не оборачиваясь.

— Александр Борисыч, — Андрей подошел ближе, — ты только вдумайся: ты сейчас нервничаешь из-за того, что моя биологическая туша пересекла невидимую линию в пространстве на шестьдесят секунд позже, чем мы договорились пять лет назад. Мы с тобой — заложники астрономического бюрократизма. Ты веришь в эти цифры сильнее, чем в гравитацию.

Лавров нахмурился, помешивая кофе.

— Ты поумничать решил с утра? Это называется дисциплина, Андрей. Без неё будет бардак.

— «Дисциплина»! — бодро подхватил Куликов. — Это ритуальное жертвоприношение времени. Мы отдаем свои лучшие часы этой бетонной коробке, просто чтобы в конце месяца нам начислили другие цифры, которые мы обменяем на еду. Мы гениально научились «убивать время», хотя на самом деле это оно медленно убивает нас, пока мы ждем конца рабочего дня.

Лавров вздохнул и пошел к своему столу.

— Иди работай, философ. У тебя дедлайн через три часа.

— Видишь? — шепнул Андрей самому себе. — «Через три часа». Еще одна магическая отметка, в которую мы оба свято верим.

Вопрос:

Почему мы считаем 07:00 «ранним утром», а 09:00 — «началом жизни», если для Вселенной это всего лишь очередной оборот куска камня вокруг газового шара? Кто убедил нас, что время «течет», и почему мы так боимся его «тратить»?

Ответ:

Время — это величайшая галлюцинация человечества, доведенная до идеала. Природе неизвестны «минуты» и «секунды», она знает только циклы: день, ночь, сезон. Но нам, существам социальным, нужно было как-то договориться, чтобы не ждать друг друга вечно у мамонта.

Часы — это наш инструмент синхронизации. Мы создали искусственную сетку координат и набросили её на хаос бытия. Это негласное соглашение о ритме: мы договорились, что сегодня — вторник, а через час наступит обед. И пока мы все вместе верим в эти цифры, наш мир продолжает вращаться, не разлетаясь на куски от непунктуальности.

ОБЕДЕННЫЙ ПАРАДОКС

В 13:02 в офисной кухне было не протолкнуться. Иришка Фролова из отдела маркетинга лихорадочно разогревала контейнер, а Лавров чинно открывал свой ланч-бокс, где котлета лежала строго параллельно гарниру.

— Коллеги, вы посмотрите на этот гастрономический флешмоб, — Андрей облокотился на косяк. — Ровно час назад никто из вас не думал о еде, но как только цифра на мониторе сменилась на «13», у всех включился режим первичных потребностей.

— Андрей, просто обед по расписанию, — буркнул Лавров, вонзая вилку в брокколи. — Так эффективнее для обмена веществ.

— «Для обмена веществ»! — Андрей увлеченно закивал. — Нет, Александр Борисович, это эффект стада у водопоя. Мы боимся есть в одиночестве в «неправильное» время. Если я сейчас достану бутерброд, вы посмотрите на меня как на бунтаря. Мы превратили питание в административный акт. Мы жуем по команде, чтобы потом так же по команде перестать жевать.

Иришка, жуя салат, кивнула на календарь:

— Куликов, сегодня четверг. Завтра пятница, короткий день. Вот тогда и пофилософствуешь.

— О, пятница! — Андрей просиял. — Тот самый день, когда мы начинаем праздновать свое существование еще до того, как оно наступило. Мы живем в режиме ожидания будущего, проглатывая настоящее вместе с этим офисным обедом. Мы — единственные существа, которые умеют быть счастливыми «авансом», просто глядя на календарь.

Лавров вздохнул:

— Андрей, до конца обеда осталось 12 минут. Дай нам доесть в тишине, а?

— Я тебя услышал, господин начальник, — улыбнулся Андрей. — Твои 12 минут неприкосновенны. Это твой личный островок в океане корпоративного времени. Наслаждайся каждой секундой.

Вопрос: Почему съесть суп в 9 утра — это преступление против приличий, а яичницу в 11 вечера — признак депрессии?

Ответ: Мы привязали биологический голод к цифровой сетке. Обед в 13:00 — это не про аппетит, это про коллективную синхронизацию. Если весь офис ест одновременно, значит, система работает.

ГЛАВА 2 ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО (ДОМ И БЫТ)

АКТ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

После трудового дня, Андрей шел домой, прижимая к боку теплый батон. Он смотрел на него не как на еду, а как на физическое воплощение выполненного обязательства.

«Хлеб — это ультимативный аргумент», — думал он. — «Мужчина, несущий хлеб, автоматически считается обществом как полезный элемент. Это наш древний пароль на вход в пещеру. Пока батон у меня в руках, Мила знает: я не просто бродил по городу, изучая эти самые швы реальности, я участвовал в обеспечении нашего общего выживания».

Он подошел к своему подъезду, и его мысли плавно перетекли от глобальных смыслов к бытовухе.

Андрей повернул ключ в замке. Щелчок — и офисный шум, ворчание Лаврова и делайны Иришки остались по ту сторону железного листа. В прихожей пахло корицей и немного — Барсиком.

— Я принес хлеб! — провозгласил Андрей, торжественно выкладывая батон на тумбочку рядом с ключами.

Мила вышла из кухни, вытирая руки о передник. Она посмотрела на хлеб, потом на сияющего Андрея.

— Герой-добытчик вернулся. Проходи, чайник уже свистит.

Андрей присел на пуфик, чтобы снять туфли, и на секунду замер.

— Мила, ты только посмотри на этот ритуал. Мы разуваемся. Это же акт демилитаризации. Снимая уличную обувь, мы признаем: здесь безопасно, здесь нет врагов, здесь не нужно бежать за автобусом. Мы переходим в режим «домашнего существования». Туфли — это наши копыта для асфальта, а тапочки — это обувь для души.

Он посмотрел на свои ноги в мягких тапочках с ушками (подарок Милы).

— Я сейчас официально перестал быть Куликовым из отдела маркетинга. Я стал Андреем, который принес хлеб. Это удивительно, как кусок резины на подошве и запах подгоревшего тоста могут полностью пересобрать личность. Дом — это место, где мы храним свою настоящую версию, упакованную в уютный хаос.

— Твоя «настоящая версия» сейчас будет пить чай, — рассмеялась Мила. — И убери, пожалуйста, свой «атлас» подальше, пока Барсик на него не лег. У кота свой взгляд на приватизацию пространства.

Андрей поднял на руки кота, который уже терся о его щиколотки.

— Барсик — это наш главный пограничник, Мила. Он не спрашивает, который час. Для него время всегда называется «сейчас», а пространство — «моё». Нам есть чему у него поучиться.

Вопрос:

Почему мы считаем, что, закрыв за собой деревянную или металлическую дверь толщиной в несколько сантиметров, мы оказываемся в «другом мире»? Откуда берется эта магия порога, которая позволяет нам мгновенно сбросить социальную маску и превратиться из «ведущего аналитика» в «человека в растянутых трениках»?

Ответ:

Дом — это наш суверенный психологический бункер. Это единственное место, где мы сами являемся законодателями, судьями и исполнительной властью. Порог квартиры — это граница между "надо" и "хочу". Мы тратим огромные деньги на покупку этих бетонных кубов, чтобы получить право на легальную изоляцию. Дом — это не стены, это наше молчаливое соглашение с миром: «Здесь я вас не вижу, а вы не видите меня».

ШУРШАЩАЯ БЕЗДНА

Андрей стоял на кухне и пытался впихнуть в большой желтый пакет из-под электроники очередной пакетик-майку. Желтый гигант уже раздулся до неприличных размеров, угрожая лопнуть по швам.

— Мила-а-а-а, — позвал Андрей, не оборачиваясь. — Ты когда-нибудь задумывалась о том, что у нас под раковиной живет пластиковый монстр, который питается нашей неуверенностью в завтрашнем дне?

Мила подошла и с интересом заглянула в шкафчик.

— Это просто пакеты, Андрей. Полезная вещь. Мало ли, что-то завернуть надо будет.

— «Мало ли»! — с восторгом подхватил Куликов. — В этом всё дело! Этот пакет — наш бытовой оберег. Мы не можем выбросить его, потому что это будет означать признание: «Я не контролирую ситуацию, у меня нет запасного плана». Пакет с пакетами — это наш негласный договор с хаосом. Мы как бы говорим миру: «Давай, нападай, у меня хватит полиэтилена, чтобы упаковать любые твои неприятности».

Он вытащил один маленький, сильно помятый пакетик с логотипом аптеки.

— Посмотри на него. Он помнит твой насморк прошлой зимой. А этот, синий — наш поход за подарками Лаврову. Мы храним в этом шкафу летопись наших походов за ресурсами. Если завтра отключат интернет и закроются все магазины, мы выживем, потому что у нас есть во что завернуть остатки цивилизации. Это наш золотой запас, дорогая. Самая надежная валюта в мире — шуршащая и занимающая слишком много места.

Мила рассмеялась, отобрала у него пакет и решительно запихнула его в глубину шкафчика.

— Стратег ты мой. Иди лучше хлеб нарежь, пока твой «золотой запас» не начал захватывать кухню.

Вопрос:

Почему в каждом доме, независимо от достатка и убеждений владельцев, существует ОН — пакет, набитый другими пакетами? Какую древнюю травму дефицита мы лечим, бережно расправляя и складывая в него очередной шуршащий прямоугольник из супермаркета?

Ответ:

Пакет с пакетами — это наш символ веры в будущее. Мы боимся того дня, когда нам не в чем будет вынести мусор или отдать банку варенья гостям. Это архив нашего потребления: там лежат пакеты из бутиков, где мы были счастливы, и из продуктовых у дома, где мы были усталыми. Мы создали циклическую систему хранения пустоты, веря, что когда-нибудь эта пустота нам жизненно пригодится. Баночки, крышечки, контейнерочки...

ГЕОГРАФИЯ НА ЭМАЛИ

Разобравшись с пакетами, Андрей кинул взгляд на холодильник. Подойдя к его двери, он легонько подтолкнул пальцем керамическую улитку с надписью «Привет из Крыма», которая висела чуть криво.

— Любимка, — позвал он, не оборачиваясь, — ты понимаешь, что наш холодильник сейчас транслирует в космос зашифрованное послание о нашем счастье?

Мила, нарезая хлеб, обернулась и улыбнулась.

— Андрюш, это просто магниты. Чтобы красиво было. И записки крепить удобно.

— «Удобно»! — с азартом подхватил Куликов. — Нет, Мила, это визуальный отчет перед самими собой. Посмотри: здесь Турция, здесь Прага, а вот этот облупившийся котик — наш первый совместный выезд на озеро. Мы превратили место хранения еды в семейную летопись. Он коснулся пальцем магнита-календаря.

— Мы идем за кефиром, а подсознательно считываем: «Мы путешественники, мы активны, у нас есть история». Магниты — это якоря реальности. Когда на работе Лавров заваливает меня отчетами, я вспоминаю вот этот синий домик с Санторини и понимаю: работа — это временно, а синее море — оно где-то существует. Холодильник — это наш интерфейс с прошлым, который помогает нам верить в будущее.

Андрей обернулся к жене, его глаза светились.

— Самое забавное, что если мы снимем их все, холодильник станет просто белым ящиком. Безликой функцией. Мы очеловечиваем технику с помощью этих маленьких безделушек. Мы подписываем с этим агрегатом пакт о дружбе: он хранит нашу еду, а мы доверяем ему хранить наши лучшие дни.

Мила подошла и поправила улитку, которую Андрей случайно сдвинул.

— Ну всё, душнила ты мой. Садись за стол. Твои «якоря реальности» никуда не денутся, а чай остывает.

— Иду, — улыбнулся Андрей. — Главное, что наш «архив» в надежных руках. И на надежных магнитах.

Вопрос:

Зачем мы превращаем дверцу дорогого высокотехнологичного агрегата в хаотичную выставку дешевой керамики и пластмассы? Почему нам так важно, чтобы каждый раз, когда мы идем за колбасой, на нас смотрела кривая ракушка из Анапы или пластмассовая Эйфелева башня?

Ответ:

Магниты на холодильнике — это наша внешняя память. Мы — существа, которые боятся забвения, поэтому мы «заземляем» свои впечатления на белый эмалированный лист. Это карта наших побед над обыденностью. Каждый магнит — это трофей, подтверждающий: «Я был там, я видел другой мир, я больше, чем просто житель этой квартиры». Мы используем бытовую технику как эмоциональный архив, где холодный металл согрет воспоминаниями о теплом море или далеких городах.

ДИАГНОЗ НА КУХНЕ

Мила внимательно смотрела на Андрея, который уже пять минут задумчиво помешивал чай, не сделав ни одного глотка.

— Андрей, — тихо позвала она. — Ты сейчас где? В каком слое реальности застрял? У тебя такой вид, будто ты только что открыл секрет бессмертия и он тебе не понравился.

Андрей вздрогнул и посмотрел на ложку.

— Знаешь, Мила, я просто подумал... А что, если я — единственный, кто видит, что мы все просто играем в «серьезных взрослых»? Вдруг у Лаврова в голове тоже сидит маленький мальчик, который хочет бросить отчет и пойти пускать кораблики в луже, но он так сильно затянул галстук, что сам об этом забыл?

Он поднял глаза на жену.

— Это не кризис, Мила. Это чувство невероятной хрупкости всего и вся. Я смотрю на наши магниты, на этот хлеб, на твои серьги — и понимаю, что всё это существует только потому, что мы в это верим. Стоит нам перестать — и мы окажемся в пустоте.

Мила подошла, обняла его сзади и прижалась щекой к его плечу.

— Тогда хорошо, что нас двое, Куликов. Один может засмотреться в пустоту, а второй в это время подтолкнет ему тарелку с ужином. Пока я верю в твой чай, а ты веришь в мой хлеб — наш картонный домик будет стоять крепче любого бетона.

Андрей улыбнулся и наконец-то отпил чая.

— Пожалуй, это самый лучший антидепрессант в истории человечества. Общая вера в теплый вечер.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРИСКОП

Резкий, настойчивый звонок в дверь разрезал уютную тишину кухни. Андрей и Мила синхронно вздрогнули. Андрей мгновенно приложил палец к губам и на цыпочках, словно ниндзя, двинулся к прихожей.

— Мила, — одними губами прошептал он, — оставайся на месте. Я иду к перископу.

Он прильнул к глазку. С той стороны, искажённый выпуклой линзой, стоял Петр Петрович. В «рыбьем глазу» его фигура в неизменной выцветшей штормовке и с огромными, натруженными ладонями выглядела монументально. Петр был классическим простым работягой, из тех, у кого в кармане всегда найдётся моток изоляции, а в голове — чёткий график проверки счётчиков. Как старший по подъезду, он нёс свою вахту с суровостью капитана дальнего плавания: его нос в линзе казался тараном, пробивающим путь к справедливости, а глаза подозрительно изучали каждую царапину на обивке.

— Петр, — констатировал Андрей, вернувшись на кухню. — Стоит в режиме «бдительный дозор». В руках квитанция и протокол собрания. Вид такой, будто он лично отвечает за гравитацию в нашем подъезде.

— Ну так открой, — пожала плечами Мила. — Ты же знаешь, он не уйдёт. Он любит порядок сильнее, чем мы любим тишину.

— Ты не понимаешь, Мила, — Андрей восторженно закивал. — Петр — это голос физического мира. В этом глазке сейчас — вся суть нашего социального контракта. Петр надеется на социальное взаимодействие, чтобы обсудить шлагбаум или покраску перил, а я использую физику преломления света, чтобы этого взаимодействия избежать. Для него подъезд — это живой организм, где каждый должен «участвовать», а для меня — просто буферная зона.

Звонок повторился. Петр за дверью отчетливо кашлянул и постучал костяшками по металлу.

— Куликов! Я знаю, что ты там за дыркой стоишь! У тебя подошва о линолеум скрипнула, как несмазанная петля. Зайди завтра ко мне, я тебе смазки дам, а сейчас открывай — дело есть!

— Видишь? — Андрей обернулся к Миле с горящими глазами. — Он считывает акустические следы. Для старшего по подъезду наши стены прозрачны. Он слышит скрип наших тапочек как нарушение общественного порядка. Петр пытается взломать мою автономию простым рабочим напором. Мы — заложники вежливости: я не могу игнорировать человека, который вчера собственноручно починил замок на входной двери.

Андрей вздохнул и пошел открывать.

— Пойду, сдамся на милость хранителя подъездных устоев. Но глазок — это гениально. Он дает те пять секунд форы, чтобы спрятать иронию и подготовить лицо «ответственного квартиросъемщика».

Вопрос:

Откуда в наших дверях взялась эта «всевидящая капля» и почему мы превратили инструмент наблюдения в обязательный атрибут домашнего уюта?

Ответ:

Глазок — это упрощенный потомок амбразуры и прямой наследник «паноптикона». Его история — это история нашего растущего недоверия к ближнему.

Все началось с простых прорезей в массивных дверях замков и монастырей — тогда это называлось «окно для допроса». Но настоящая эволюция случилась в 1906 году, когда американец Роберт Уильямс запатентовал «устройство для скрытого наблюдения». Иронично, что изначально это была технология для тюрем и полицейских участков, чтобы надзиратель мог видеть заключенного, оставаясь для того лишь темным пятном.

Мы добровольно притащили тюремную технологию в свои прихожие. В середине XX века, с расцветом паранойи в больших городах, глазок стал стандартом. Мы вставили в двери линзу «рыбий глаз», которая искривляет пространство, превращая любого соседа в карикатурного монстра. Суть глазка — в асимметрии власти: я вижу тебя целиком, со всеми твоими квитанциями и нелепой шапкой, а ты видишь лишь холодную сталь двери. Это наш первый рубеж обороны, признание того, что за порогом — территория хищников, и нам жизненно необходимо знать врага в лицо до того, как мы позволим ему войти в наш мир.

СКЛАД ВЕЩЕЙ И ОБЪЯТИЙ

После того как дверь за Петром закрылась, а очередная квитанция за «содержание невидимых миров» легла на тумбочку, Андрей почувствовал острую нужду в тишине. Он взял Милу за руку и увёл её туда, где город кажется игрушечным, а реальность — чуть менее обязательной.

Они вышли на балкон. Здесь было тесно: старые лыжи, которые не видели снега три года, пустая канистра от омывайки и связка старых газет образовали сложный ландшафт. Но в центре этого хаоса было пространство — ровно столько, чтобы встать вдвоём.

Андрей обнял Милу со спины, прижав её к себе. Прохладный вечерний воздух пах дождём и далёким бензином.

— Мила, — тихо сказал Андрей, уткнувшись ей в макушку. — Ты только посмотри на этот архитектурный аппендикс. Мы стоим на бетонной плите, которая висит над бездной, окружённые вещами, которые нам больше не нужны, но которые мы не можем предать.

Мила расслабилась в его руках, глядя на огни вечерних окон напротив.

— Опять ты за своё? Это просто балкон, Андрей. Наш маленький склад и место, где можно подышать.

— «Подышать»! — прошептал Куликов. — Нет, это зона декомпрессии. Здесь мы уже не в квартире, но ещё не в городе. Мы в промежуточном слое реальности. Посмотри на этот хлам вокруг — это же наши материализованные сомнения. Мы храним эти лыжи, потому что боимся признать, что больше не любим зиму. Мы храним банки, потому что верим в гипотетический урожай.

Андрей крепче прижал её к себе, чувствуя её тепло сквозь домашний свитер.

— Но в этом и есть магия. Среди этого склада несбывшихся планов мы стоим и просто обнимаемся. Это наше главное соглашение. Всё остальное — Петр, Лавров, дедлайны — это просто шум там, внизу. А здесь, на этом пяточке бетона, время замирает. Мы — две точки тепла в огромном механическом городе.

Мила повернулась в его руках и обняла его за шею.

— Знаешь, Куликов... Твоя философия иногда звучит очень сложно. Но когда ты меня так обнимаешь, я понимаю: неважно, зачем мы храним лыжи. Важно, что нам есть с кем стоять на этом балконе и смотреть на звезды. Это единственный смысл, который мне не нужно объяснять.

Андрей улыбнулся и поцеловал её в лоб.

— Пожалуй, это самая точная координата счастья в моём атласе. Всё остальное — просто декорации.

Вопрос:

Почему мы превращаем балкон — место с самым лучшим видом и свежим воздухом — в склад старых коробок, сломанных лыж и пустых банок? Почему нам так трудно расстаться с вещами, которые «могут когда-нибудь пригодиться», даже если это «когда-нибудь» не наступает десятилетиями?

Ответ:

Балкон — это кладбище наших несбывшихся намерений и одновременно черновик будущей жизни. Мы храним там вещи не из жадности, а из надежды. Выбросить одну лыжу — значит признать, что ты больше никогда не встанешь на лыжню. Выбросить пустую банку — значит отказаться от идеи когда-нибудь стать хозяйственным. Это материализованная зона ожидания: пока вещь лежит на балконе, она всё ещё обладает потенциалом, она всё ещё «в игре».

ГЛАВА 3. ДЕНЬГИ: ВЕЛИКИЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ГАЛЛЮЦИНОГЕН

ЦЕНА НЕВИДИМОГО

Андрей лежал на диване, всё еще под впечатлением от балконной романтики, когда Мила присела рядом, листая каталог мебели в телефоне.

— Андрей, ты помнишь, что мы договаривались купить стеллаж, чтобы разобрать тот завал на балконе? Он сейчас по акции, — она повернула к нему экран с изображением куска шпона по цене его трехдневного сидения в офисе.

Андрей посмотрел на цену, потом на свои руки.

— Мила, ты только вдумайся. Чтобы этот стеллаж материализовался в нашем коридоре, я должен отдать Лаврову три дня своего внимания. Я меняю три заката, три завтрака с тобой и примерно сорок пять чашек офисного кофе на конструкцию из опилок.

— Это называется «покупка», Андрей, — вздохнула Мила. — Все так делают.

— *Именно здесь скрыта ловушка!* — воскликнул Куликов. — Мы участвуем в трансмутации реальности. Я перевожу свою жизнь в цифры на счету, а потом эти цифры превращаются в полку. Мы живем в мире магического обмена. Самое странное, что я не чувствую потери времени, когда прикладываю карту к терминалу. Писк — и кусочек моей жизни улетел в банк. Мы сделали трату жизни безболезненной, упаковав её в бесконтактные платежи. Деньги — это анестезия для совести, которая позволяет нам не замечать, как мы распродаем себя по частям ради комфорта.

Мила закрыла телефон и легла ему на плечо.

— Если этот стеллаж поможет нам чаще стоять на балконе и меньше спотыкаться о лыжи, то эти три дня того стоили. Ты покупаешь не опилки, Куликов. Ты покупаешь нам свободное пространство для вдоха.

Андрей улыбнулся и приобнял её.

— Ладно. Твоя правда. Пожалуй, это лучший курс обмена времени на смысл, который я могу себе позволить.

Вопрос:

Почему мы готовы тратить лучшие часы своей жизни, нервы и здоровье на то, чтобы получить цифры в приложении или кусочки цветной бумаги? Откуда берется эта непоколебимая уверенность, что завтра этот кусок пластика с чипом по-прежнему будет означать еду, одежду или право на квадратные метры?

Ответ:

Деньги — это высшая форма социального доверия. Это негласный пакт о ценности пустоты. Сами по себе они бесполезны — ими нельзя согреться или утолить голод. Но мы договорились считать их универсальным эквивалентом нашего труда и времени. Это иллюзия, ставшая фундаментом цивилизации: пока мы все вместе верим в «курс валют», система работает. Деньги — это способ передать свою жизненную энергию другому человеку в удобной упаковке, надеясь, что он вернет её в виде нужного нам сервиса или товара.

МАГИЯ ПРИКОСНОВЕНИЯ

Андрей взял карту двумя пальцами и поднес к глазам, рассматривая чип.

— Мила, — тихо позвал он. — Ты только посмотри на этот артефакт веры. Здесь записано, что я — благонадежный гражданин, у которого есть право на стеллаж. Но если этот чип размагнитится, я мгновенно превращусь в человека, которому не дадут даже булку хлеба.

Мила, не отрываясь от телефона, улыбнулась:

— Куликов, не преувеличивай. Есть же приложение, есть переводы. Карта — это просто удобство, чтобы не считать медяки.

— «Удобство»! — восторженно воскликнул Андрей. — В этом и ловушка. Мы сделали расставание с ресурсами безболезненным. Раньше люди меняли золото на зерно — это было весомо. Потом бумагу на мясо — это было ощутимо. А теперь мы меняем радиоволну на комфорт. Этот «писк» на кассе — самый коварный звук в мире. Он звучит так невинно, будто система говорит тебе: «Всё в порядке, ты ничего не потерял». Но на самом деле в этот момент из твоего будущего вычитается кусочек свободы.

Он положил карту обратно на стол.

— Карта — это социальный анестетик. Она позволяет нам тратить больше, чем мы чувствуем, и хотеть больше, чем нам нужно. Мы научились упаковывать свои надежды и страхи в прямоугольник размером 86 на 54 миллиметра. И пока терминал горит зеленым, мы верим, что наш договор с миром в силе.

Мила подошла и убрала карту в его кошелек.

— Иди спать, «жертва прогресса». Завтра твой «пульт управления миром» снова понадобится, чтобы купить кофе по дороге в офис. И поверь, в тот момент тебе этот «писк» очень понравится.

Андрей рассмеялся:

— Наверное. Самая приятная ложь — это та, которая пахнет свежемолотой арабикой.

Вопрос:

Почему кусок пластика весом в несколько граммов обладает большей властью, чем тяжелый кошелек, набитый монетами? Как мы дошли до того, что самое дорогое в нашей жизни — наш труд и время — превратилось в невидимый радиосигнал, подтвержденный коротким «писком» терминала?

Ответ:

Банковская карта — это инструмент психологического разобщения с реальностью. Когда мы отдаем бумажную купюру, наш мозг фиксирует физическую потерю. Когда мы прикладываем карту, мы совершаем магический жест, который не ощущается как трата. Это высшая стадия цифрового доверия: мы верим, что банк, чье имя написано на пластике, честно хранит наши «дни жизни» в виде нулей и единиц. Карта — это пульт управления нашими возможностями, который избавляет нас от веса денег, но взамен лишает нас чувства их конечности.

ГЛАВА 4 РАБОТА

КОРПОРАТИВНЫЙ ТУМАН

Утром следующего дня Андрей восседал за своим столом в опенспейсе. Вокруг стоял мерный гул: шелканье клавиш, шуршание принтера и приглушенные голоса. Лавров проходил

мимо с таким серьезным видом, будто нес в руках не папку с отчетами, а скрижали с заповедями.

— Куликов, ты прислал анализ по квартальным продажам? Дедлайн был в десять, — Босс остановился, глядя на Андрея поверх очков.

— Александр Борисыч, — Андрей медленно повернулся в кресле, — ты только вдумайся в то, что ты сейчас сказал. «Дедлайн». Смертельная черта. Если я нажму кнопку «Отправить» в десять ноль пять, небо не упадет на землю, а наши клиенты не перестанут покупать шампунь. Но мы оба стоим здесь и делаем вид, что эти пять минут — вопрос жизни и смерти. Мы надели обычную цифру на часах властью карающего бога.

Лавров вздохнул и оперся на перегородку стола.

— Андрей, это называется «бизнес-процессы». Без них всё развалится.

— «Развалится»! — с восторгом подхватил Куликов. — Нет, Александр Борисыч, это коллективный гипноз. Мы все здесь собрались, чтобы поддерживать иллюзию порядка. Ты носишь этот галстук, который мешает тебе дышать, чтобы транслировать статус «надежного руководителя». Иришка Фролова в соседнем отделе делает презентацию с графиками, которые никто не досмотрит до конца, чтобы транслировать «динамичное развитие». Мы тратим лучшие годы на создание красивых упаковок для пустоты. Разве это не самое удивительное достижение нашей цивилизации — сделать бессмысленную суету такой важной?

Лавров посмотрел на часы, потом на Андрея и неожиданно тихо сказал:

— Знаешь, Куликов... Иногда мне кажется, что ты единственный здесь, кто не спит. Но отчет всё равно пришли. Потому что если я его не сдам, мой «начальник-бог» лишит меня годового бонуса, а у меня ипотека.

— Вот! — Андрей просиял. — Ипотека — вот наш истинный двигатель смыслов. Твой страх перед банком сильнее твоей логики. Мы работаем не ради «миссии компании», а ради того, чтобы наш личный «пакет с пакетами» никогда не пустел. Это честный договор, Александр Борисыч. Я пришлю отчет через минуту. Пусть твоя вселенная спит спокойно.

Вопрос:

Почему мы считаем, что сидение в кресле перед светящимся прямоугольником по восемь часов в день — это и есть «настоящая жизнь»? И почему мы испытываем чувство вины, если в разгар рабочего дня просто смотрим в окно, хотя именно в этот момент наш мозг может выдавать лучшие идеи?

Ответ:

Работа — это ритуал подтверждения общественной полезности. Мы создали систему, где «занятость» ценится выше «результата». Офис — это театр продуктивности, где мы носим костюмы-декорации и разговариваем на особом корпоративном языке, чтобы убедить друг друга (и самих себя), что то, что мы делаем, невероятно важно для вселенной. Это негласный договор об обмене свободы на стабильность: мы соглашаемся играть по правилам компании в обмен на право покупать стеллажи на балкон.

ХОР ОДОБРЕНИЯ

В переговорке было душно. На стене светился экран с графиком, который Иришка Фролова подготовила с особой тщательностью (там было много синего цвета, который, по её версии, внушал доверие). Лавров сидел во главе стола, сцепив пальцы в замок.

— Итак, коллеги, нам нужно найти синергию в вопросе логистики, — серьезно произнес Лавров. — Какие будут предложения?

Андрей смотрел, как Иришка кивает в такт словам Лаврова, хотя в её глазах читался мучительный выбор между суши и пиццей на ужин.

— Александр Борисыч, — Андрей нарушил священную тишину, — ты только вдумайся в этот театр теней. Мы сидим здесь уже сорок минут. Суммарно мы потратили почти семь часов человеческой жизни. За это время можно было написать небольшую книгу или посадить аллею деревьев. Но мы тратим этот ресурс на то, чтобы ты произнес слово «синергия», а мы все сделали вид, что понимаем, о чем речь.

— Куликов, мы вырабатываем общую стратегию! — Лавров поправил очки.

— «Стратегию»! — с интересом подхватил Андрей. — Нет, мы занимаемся синхронизацией скуки. Ты сейчас — жрец за алтарем проектора. Тебе не нужны наши идеи, тебе нужно наше молчаливое согласие. Мы здесь — массовка в твоём спектакле перед вышестоящим руководством. Если мы просто разойдемся и каждый сделает свою работу, магия исчезнет. Тебе нужно это «совещание», чтобы завтра в отчете написать: «Проведено совещание». Ты подтверждаешь статус события через наше физическое присутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.